

ЖИВАЯ НЕИЗДАННАЯ КНИГА

Наверное, в каждом доме в семейном архиве хранятся пожелтевшие документы, боевые ордена и медали. А во многих семьях — и воспоминания, рассказы, написанные либо самими ветеранами, либо с их слов — детьми и внуками. Эта многотомная неизданная книга, «эпохальная быль» — послание нам, сегодняшним, отмечающим 60-летие Великой Победы.

Предлагаем вашему вниманию подборку публикаций — всего лишь несколько страниц из этой подлинно народной эпопеи. Чтобы помнили теперь уже наши потомки и передавали своим детям живое свидетельство о том, «как это было на Земле»...

Человек под номером 2804

Нелли Ермолаева,
заслуженная учительница школы РФ

Рукопись, которая хранится в нашем семейном архиве, подписана двумя буквами — А.Г. Краткая эта подпись — имя моего отца Аким Григорьевич Дуденко. А написаны воспоминания по просьбе мужа — журналиста Владимира Ермолаева. Собирался он, видимо, на их основе написать очерк. Но почему-то не осуществил этого. А тетрадь так и лежит в семейном архиве долгие 40 лет. Не читала я в те годы эти страшные воспоминания, написанные обыденно, спокойно, отстранённо, будто и не он, отец мой, был участником этих событий, которые так несопоставимы с его характером. Человек он незлобивый, мягкий и сердечный, крестьянский сын и крестьянин по духу, кто должен был бы по своему мироощущению прожить спокойную жизнь на земле, среди колосющихся хлебов, беспокоиться о погоде — будет дождь или нет, об урожае, о детях. Но волею судьбы стал он участником событий, которые потрясли нашу страну в первой половине XX века.

В молодости отец служил на Дальнем Востоке в штабе армии Блюхера, в подарок от Блюхера получил карманные серебряные часы с серебряной же цепочкой, которую пристёгивал к верхнему кармашку пиджака. Эти часы до сих пор хранятся в нашей семье.

После армии окончил педагогический техникум, семь лет учительствовал, растил двух дочерей, заочно получил высшее педагогическое образование, стал учителем химии и биологии.

Но от судьбы уйти не удалось. Мирная его жизнь, как и всего народа, была прервана в июне 41-го. После курсов воинской переподготовки отец получил звание офицера химических войск и, успев на одни сутки заехать домой проститься с нами, ушёл на фронт. В первые же полтора месяца пришлось ему участвовать в рукопашном бою, вырываться из окружения. За участие в боях был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Но приказ об отступлении из последнего окружения его полк получить не успел...

Мы ничего не знали об отце. Получили известие только летом 46-го — бумажный треугольник принесла соседка по довоенной квартире. Из короткого отцова письма узнали, что скоро он вернётся домой. Оказалось: попал в плен, больше года после плена проходил проверку. Где и как — об этом не писал. Позже узнали, что отпустили (теперь уже из советского лагеря для военнопленных) строителей и учителей — людей самых нужных профессий в первое мирное время. А ещё позже из книг Сергея Смирнова, Константина Воробьёва, Константина Симонова узнали, каким страшным клеймом было слово «плен» для сотен тысяч советских солдат, шедших на вражеские танки зачастую с винтовкой, а то и со штыком. Не по их вине им уготован был плен, и никто из них не проявил трусости...

Отцу вручили после проверки заслуженные награды — орден Боевого Красного Знамени и медаль «За победу над Германией». Но уже дома, в Таганрогском военкомате, награды отобрали — такова была тогда сила слепого идеологического диктата...

Отец стал учительствовать. Но долго ещё его вызывали по ночам «куда следует», снова и снова расспрашивали обо всём и обо всех. После таких посещений он кричал по ночам, его со страхом будила мама. Он обводил нас непонимающим взглядом, медленно отходил ото сна, но нам своих снов не рассказывал.

Жизнь постепенно налаживалась. Отец был хорошим учителем, его любили дети. Вместе с ребятами они расчистили пустырь возле школы, посадили и вырастили сад, который до сих пор цветёт по весне и плодоносит; закладывал с учениками опытные делянки, обихаживал учебный кабинет, признанный лучшим в городе. Но ни разу не пригласили его в президиум учительского собрания, даже самого маленького коллектива, ни разу не был он избран ни на какую общественную должность. Не был он причислен и к участникам Великой

Отечественной войны, хотя это звание получили даже те, кто был в обозах и за все годы так и не узнал, что такое бой, не говоря уже о рукопашной. Наверное, его это задевало, но он это не показывал, никогда не жаловался, делал своё дело. Уйдя на пенсию, много занимался внуками, передавал им свою любовь к земле, приучал к труду, добру и миру.

Умер отец, немного не дожив до 75 лет. На похоронах были все те, кого он хотел пригласить на свой юбилей. Не успел...

А мы до сих пор чувствуем свою вину перед ним. За то, что жили своей жизнью, своими интересами и мало уделяли ему внимания. Это же чувство испытывают и наши дети — его внуки. Его старший внук, который вырос под большим влиянием личности деда, принёс на его могилу вместе с цветами автореферат своей кандидатской диссертации — в знак признательности, благодарности бабушке Киму...

В нашем семейном архиве хранятся старые фотографии, среди которых — красивая молодая женщина, сестра моей матери тётя Поля, Полина Георгиевна Шаралапова. Перед войной она преподавала математику в 28-й таганрогской школе. Вместе с мужем — учителем физики той же школы Владимиром Ивановичем и учителями таганрогских школ они создали во время оккупации подпольную группу. Владимир Иванович собрал радиоприёмник, и подпольщики распространяли по городу листовки со сводками советского Информбюро. Вскоре учительская группа влилась в городскую подпольную организацию. В 1943 году она была раскрыта. Многие погибли под пытками в застенках гестапо, были расстреляны, в том числе и Владимир Иванович Шаралапов.

После войны отец и тётя Поля часто встречались, у них было много общих тем для разговоров — и военных, и педагогических. Но о войне они говорить не любили. И только в день Победы, 9 мая, когда вся наша большая семья собиралась за

Аким Григорьевич Дуденко с учениками

праздничным столом, они поднимали бокалы с коротким тостом: «За погибших и выживших...» После этого за столом на несколько минут воцарялась тишина.

Полина Георгиевна надолго пережила моего отца и ушла из жизни в этом году.

...Открываю с глубоким вздохом отцовскую тетрадь: «...Очень тяжёлыми были первые месяцы Отечественной войны. Противник лучше вооружён, поэтому нам то и дело приходилось отходить или держать оборону. В июле в районе Шепетовки наше воинское подразделение попало в окружение. Но, проявив максимум усилий и напора, мы вышли из окружения. А 7 сентября 1941 года снова попали в «котёл» в районе города Лубны (на Украине), и выйти из него при всех наших усилиях не удалось. 15 дней двигались с боями на восток, и с каждым днём наши ряды таяли, всё меньше и меньше оставалось боеприпасов, а вскоре они и совсем кончились. Русский штык стал единственным оружием, а этого было далеко не достаточно. 22 сентября 1941 года я перестал быть воином Советской Армии. С этого дня, как и мои товарищи, перестал быть человеком... В «харьковском котле» вместе с тысячами других солдат, без оружия, с ранением я попал в плен.

Нас согнали в карьер бывшего кирпичного завода г. Хоромы. Всего сюда было согнано около 20 тысяч военнопленных.

У немцев было правило: первые семь дней не давать пленным есть и пить. Людей, доведённых до физического и морального изнеможения, легче охранять и гнать по этапу. Особого голода в первые дни не чувствовал, хотелось только пить, а на шестой день и пить уже не хотелось... Командование лагеря все эти дни держало пленных в состоянии нервной напряжённости: с вышек ежечасно стреляли по военнопленным, каждый ходил и ждал своей участи. На 8-й день пребывания в лагере нам дали по два сухарика при выходе на этап. Колонна бы-

ла очень большая, шли под усиленной охраной. В нескольких шагах от колонны шёл конвой пеших солдат, а ещё дальше — конный наряд. Стоял октябрь, было тепло, светило солнце. Этап держал направление на город Кременчуг. По пути нам встречалось много украинских деревень. Я запомнил большое село Семёновку. Жители Семёновки ставили на пути следования колонны бочки с водой и кое-что съестное: они уже знали, что гонят военнопленных.

Стоило отстать от колонны метров на 10–12 — это уже смерть: таких расстреливали и трупы оставляли. Двигаясь по этапу, мы то и дело встречали убитых пленных — это те, кто обессилел и отстал. По всему пути до Кременчуга дорога была усеяна трупами наших солдат.

Иногда недалеко от дороги видели колодец, а вокруг него — кровавый круг. И даже видя это, некоторые пленные бросались к колодцу в надежде прикоснуться к воде. Их постигала та же участь, что и тех, кого гнали перед нами.

В Кременчуге дали по сухарю граммов в 100 и налили воды в корыта, из которых мы и утолили жажду. Во время этапа — а он длился три дня — есть и пить не давали. В Кременчуге пробыли недолго, жили в бараках табачной фабрики. Бараки в прошлом служили для сушки табака, находиться в них было невозможно — душил кашель. Во двор выходить не разрешали. В помещении стоял жуткий кашель, доводивший до потери сознания. Мы разбили потихоньку окна, чтобы был приток свежего воздуха, а получилось наоборот — сквозняк поднял табачную пыль, и кашель ещё больше усилился.

В конце ноября — снова на этап. Нас перегнали через Днепр по понтонному мосту, по направлению к железнодорожной станции. На берегу Днепра сделали короткий привал, разрешили напиться драгоценной водички из Днепра. У кого были силы — умылись. Пришли на станцию, погрузили нас в пульмановские вагоны, набитые до отказа. Везли

нас на запад. Ехали дней пять. За это время только один раз кормили в городе Казатине: дали по одному литру прокисшей баланды. В начале ноября нас привезли во Владимиро-Волынский лагерь для командного состава. В лагерь пришли рано утром. Принимали нас полицаи, заполняли карточки, полицай вырезал пучок волос, приклеивал их к карточке, вместо подписи — отпечаток большого пальца, ставили номер на лопатке. Этот же номер ставили на спине шинели, на головном уборе. Во дворе ждали, пока этот процесс закончат со всеми. Шёл мелкий холодный дождь, все промокли до нитки. Стоим, дрожим и никому до этого дела нет. Ведь мы уже были не люди...

Вечером развели по казармам. Трёхъярусные нары разделялись по отсекам, где могли поместиться человек шесть-семь. Нас же было в отсеке свыше двадцати человек — примерно 25 сантиметров пространства на каждого. Спали по очереди. Подъём в 6 утра, в 7 проверка на дворе — в дождь, пургу, снег. На проверку не выходили только мёртвые, а их за ночь набиралось изрядно. Проверку в самой грубой форме проводили полицаи. Длилась она полтора-два часа. Во время проверки люди умирали. Полицаи выносили трупы из казармы и складывали их в штабеля. После проверки возвращались в казармы, на работу нас не посылали. В 2 часа выдавали обед: пол-литра баланды, заправленной отрубями. Отбой в шесть вечера. После отбоя ходить по двору запрещалось. Нарушителей расстреливали со сторожевых вышек.

В 9 часов вечера проводили переключку в казарме. При переключке и проверке надо было называть не свою фамилию, а номер. У меня был номер 2804. Всех порядковых номеров в лагере было 25 000. Обмундирование зимой 1941—1942 годов у нас ещё было своё: кирзовые сапоги, тёплые военные шинели. Это спасало от суровых холодов той зимы. Казармы были кирпичные трёхэтажные, стёкол в окнах почти не было,

но пленные забили их, чем только можно. Печки в казармах не топились, но холодно не было, так как казармы были плотно набиты людьми.

Массовая смертность от голода началась с января 1942 года: паёк — 100 граммов хлеба и пол-литра баланды — привёл к крайнему истощению. Смертностью легко было руководить, и немцы время от времени это делали. Обычно килограммовую булку хлеба давали на десятерых, и тогда погибали 100—150 человек в сутки. Иногда увеличивали хлебный паёк: 1 килограмм давали на семь человек, и в баланде появлялись проблески жира. Смертность снижалась.

Трупы сначала складывали одетыми, а затем стали раздевать догола. Были случаи, когда живые ложились среди трупов, в субботу их увозили. Мёртвых сбрасывали в специально приготовленные рвы, транспорт возвращался, а «живые трупы» уходили в лес. Поэтому полицаи стали раздевать жертвы, а когда их сбрасывали в траншеи, то сразу же засыпали толстым слоем хлорной извести.

В конце февраля к нам привезли из другого лагеря 20 человек — живые трупы. Они говорили, что у них свирепствует тиф. Через несколько дней и у нас появились больные тифом. Болезнь распространялась с молниеносной быстротой. Смертность стала невероятной. Пленные переносили тиф относительно легко и умирали уже после него: хотелось есть, а есть было нечего... Я болел тифом в лёгкой форме: переболел им в первые годы после революции. От тифа умирали и немцы. Как ни старались они быть подальше от нас, тем не менее 12 человек из охраны отдали Богу душу.

А командование лагеря придумывало всё новые и новые способы уничтожения пленных. Одним из них была баня. Что представляла собой лагерная баня и почему после неё люди погибали? Сначала мы попадали в предбанник — чистый, но в окнах — нет ни одного стекла,

а холод жуткий. В предбаннике надо сдать одежду для дезинфекции. Держали нас здесь, совершенно раздетых, около часа. После этого идём в баню — вода горячая. Полицаи следят, чтобы все были вымыты. Первые, кто попадал в эту баню, становились под душ. Я попал туда не первым, мы уже были умудрённые опытом: нам было достаточно взять из-под крана немного воды и слегка смочить волосы, и ты как бы уже вымыт. После всего этого нас вытаскивали в «послебанник», где также в окнах ни стекла. Здесь мы около часа ждали нашу одежду из дезинфекции. Прижмёмся тесно друг к другу, мёрзнут только наружные, но их сменяют через каждые две минуты, иначе можно околеть. Понятно, что после такой «бани» — массовые простуды и смерть.

Длительное время мы, не получая витаминов, болели цингой в тяжёлой степени. Болел и я. Кожа сделалась синей, сильная боль в суставах, трудно двигаться, а двигаться надо: ведь каждое утро проверка во дворе, а кто оставался в казарме, оттуда больше уже не выходил. Зубы шатались так, что их можно было вынуть. С зубами мы оставались потому, что нечего было грызть. Так продолжалось до весны. Весной появилась зелёная трава, её ели или делали настой и пили. Цинга постепенно отступила.

Многие болели куриной слепотой — с заходом солнца люди ничего не видели.

Расстрелы, избиение палками, постоянные унижения — такова жизнь в лагере. Но, несмотря на это, военнопленные поддерживали морально друг друга. Из лагеря было совершено два побега — одиночный и групповой. Одиночный побег был неудачным, но о смельчаке мы вспоминали очень долго.

Групповой побег был совершён весной 1942 года. В начале апреля в лагерь прибыла большая партия военнопленных. Лагерь пополнялся каждый месяц: сколько умирало, столько и прибывало. Прибывшие были в ужасе от того, до какого состояния мы доведены. Нас валило ветром, месяцами мы не умывались как следует, не брились. Всё было направлено к тому, чтобы человек терял облик человеческий. Нас нельзя было использовать ни на какой работе.

Неподалёку от нашего был лагерь военнопленных рядового состава, в котором, как мы узнали, заключено 9 тысяч человек. Издевались над ними как только могли. Жили люди в конюшнях, а зима 1941—1942 годов была очень холодной, и почти все пленные умерли от голода и холода. Трупы никто не убирал. Наступил апрель, и новое пополнение физически здоровых использовали для выполнения «санитарных чисток». Команда из 50—60 человек с утра до ночи хоронила трупы в течение нескольких дней. Узнав распорядок охраны во время работы, пленные и решили совершить групповой побег.

В обеденный перерыв (а он длился час) всех сажали, строжайше запрещалось вставать. Караулить оставался один часовой. Это и решили использовать смельчаки. В одно мгновение часо-

вого обезоружили, связали с кляпом во рту. Вся команда поднялась и — в лес. Лес был в двух километрах от лагеря. Они ещё были физически здоровые, преодолеть это пространство им ничего не стоило. Добежали до леса, а там — свобода. Кроме того, у беглецов был пулемёт, отобранный у часового. Пока фашисты организовали погоню, пленные ушли уже далеко. Побег был удачным, и мы искренне радовались этому.

В мае у нас отобрали русское обмундирование и одели в кайзеровские тряпки 1914 года, вместо сапог выдали голландские деревянные колодки. Ходить в них было очень трудно, особенно без привычки. Летом 1942 года нас эвакуировали в район города Нюрнберга в офицерский лагерь. Кормили так же, но в санитарном отношении было лучше. Плохо то, что на территории ни единой травинки — всё покрыто асфальтом.

Хамельбургский лагерь, соседний с нашим, — большой, в нём было несколько отсеков, в каждом пленные из различных государств: русские, французы, англичане, сербы, позже появились и союзники фашистов — итальянцы.

Рядовой состав сербов обслуживал все лагеря, они могли подходить к проволоке, разговаривать с пленными. Сербы относились к русским очень хорошо: нередко перебрасывали нам через проволоку пучки травы, так как все мы поголовно страдали авитаминозом. Сообщали сербы даже некоторые сведения с фронта. И хотя эти сведения 3—4-месячной давности, мы их жадно ловили.

На стыке всех отсеков в лагере был огромный крематорий. Ветер в Южной Баварии дует почти всегда с юга, и поэтому наш лагерь постоянно был окутан дымом. Привыкнуть к такому соседству было невозможно. Окрестности лагеря очень красивы — холмы, покрытые лесами. Но нас это несколько не радовало. Мы завидовали птицам и облакам, которые двигались на восток, куда ежесекундно были направлены наши мысли.

Однажды весной 43-го приходят полицаи, называют 40 номеров, в том числе и меня. Ворота распахнули, заезжает машина с прицепом. Нам командуют: «Залезайте в прицеп». Стараемся, но никто не может. Полицаи говорят двум надзирателям: «Кидайте их в кузов». А те, хоть и крепче, но тоже не могут поднять человека. Позвали из крематория здоровых детей, те справились — их хорошо кормили. Повезли нас, думаем: куда везут? Остановились в каком-то дворе. Метрах в двухстах длинный дом, как сарай: «Идите туда». Минут 40 шли, держа друг друга под руки. Дошли. Заходим в дом — тепло, печка топится. Так непривычно после лагерных промёрзших барачков. Говорят нам: «Здесь будет столовая». Поняли: живы! Приносят две корзины картошки — рай! Говорят: «Через полчаса будет кофе». Мы совсем повеселели. Кофе, конечно, свекольный, из жмыха, но всё равно — кофе ведь! Даже от слов таких мы отвыкли...

В комнате лестница на второй этаж. По команде стали подниматься по лестнице — ползти. Со стороны посмотреть — смех. А нам не до смеха, теперь выжить надо. На сердце радость, силы придаёт — живём! Забрались, конечно.

Вот так и пошло у нас дело, через неделю ожили (молодые ведь все!), питание есть, сил быстро набрались, стали нас в поле выгонять работать... С питанием здесь было значительно лучше. Хлеба давали 150 граммов, и баландá была крупяная, и картофеля давали много. Жить можно. Работали на различных сельхозработках. На 40 человек команды 11 охранников. Бежать из команды было можно, но бежавших в течение нескольких дней ловили, отправляли в гестапо, где их превращали в калек и возвращали в концлагерь. Пробриться на восток к фронту отсюда было невозможно: населена Бавария густо, кроме того, за пойманного офицера платили несколько сот марок, за красноармейца около сотни, и население было заинтересовано в поимке беглецов.

Все два года пленных держали в полной неизвестности о том, что делается на фронтах, но время от времени мы всё же узнавали из клочков газет, брошенных охранниками, а впоследствии нас снабжали газетами батраки и батрачки фермера. Был у нас переводчик «законспирированный», он многое узнавал: то подслушает разговор конвоя, то газету прочтёт. Очень хотелось знать, что там на фронте. Больше всего мучило неведение. В лагере узнавали сначала от вновь прибывших пленных. Потом их стали помещать отдельно, чтоб полностью изолировать нас от внешнего мира, чтоб посеять в душе безнадежность, обречённость.

Особенно держали нас в неосведомлённости о событиях на фронтах начиная с января 1945 года, поэтому каждая весточка извне для нас имела особую ценность. Бывали случаи, когда мы работали у обочины просёлочных дорог, по которым ехали или шли пленные русские солдаты и солдаты других дружественных стран, хоть немного знающие русский язык. Подъезжая или подходя к нам, они начинали усиленно «ругаться» между собой, и во время этой ругани, как дикторы, сообщали нам положение на фронтах, причём крупные населённые пункты, которые немцы оставляли при отступлении, старались не упоминать. Иногда наши изобретательные информаторы начинали петь и нараспев сообщали новости, в которых мы так нуждались. Вся Германия, в особенности западная и южная, была заселена русскими, угнанными из Советского Союза на работы. В середине апреля 1945 года я с товарищем из команды работал недалеко от просёлочной дороги. После полудня мы увидели идущую по дороге женщину. Поравнявшись с нами и убедившись в том, что мы русские пленные, она начала петь. Мы услышали русские слова, это были не слова песни: она «в песне» информировала нас о том, что делается на шоссейной дороге.

В конце апреля 1945 года мы услышали орудийные залпы. Вечером нас загнали в большой сарай, и в щёлки была видна суматоха среди охранников. Потом всё стихло. Около сарая остался только часовой. Когда стемнело, он подошёл к двери, вызвал переводчика и сказал, чтобы мы сидели абсолютно тихо — отходят последними гестаповцы и, если услышат голоса, могут по сараю открыть очередь из пулемётов. Утром 26 апреля 1945 года старик часовой отпер дверь сарая и... мы свободны! Какая это была радость! Вскоре появились американские солдаты.

...Написал я много. Но это одна десятитысячная доля того, что было, что пережито.

Мы и выжили, потому что поддерживали друг друга, были уверены в нашей победе!»

* * *

В канун 60-летия нашей Великой Победы я впервые прочтала этот давний рассказ отца о пережитом и поняла, что война останется в нашем доме и в нашей памяти навсегда... **НО**